

**ЕЩЁ
МЫ ЛЮБИЛИ
ТАНЦЕВАТЬ...**

**Музей
истории
ГУЛАГа**

**| ФОНД
ПАМЯТИ |**

автор-составитель, художник

ВЕРА ГРИГОРЬЕВА

куратор проекта, ответственный редактор

МАРИЯ БРОНСКАЯ

куратор проекта, художественный редактор, дизайн

НАТАША МАРКИНА

корректор

ТАТЬЯНА ДЕКА

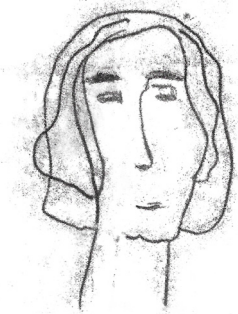
ЕЩЕ МЫ ЛЮБИЛИ ТАНЦЕВАТЬ...

воспоминания
Нины Рогачёвой

В январе 2020 года в Музее истории ГУЛАГа открылась экспериментальная лаборатория «Отпечатки». Ее участники, творческая группа подростков, исследовали личные архивы репрессированных, хранящиеся в Музее. На основе документального материала они создали три собственные книги: «История нескольких писем», «Кусочек мыла», «Еще мы любили танцевать...». Вера Григорьева, автор книги «Еще мы любили танцевать...», работала с воспоминаниями Нины Корниловны Рогачёвой.

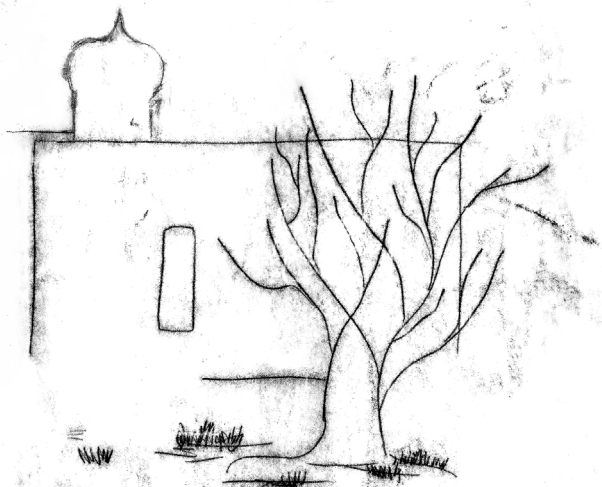
МОСКВА, 2020

ГМИГ КП-1245.
Воспоминания Рогачёвой Н.К.
Последняя четверть XX века.

На протяжении многих лет нарушались законы не только социалистического общества, но все те, которые свойственны любому человеческому обществу. Узурпатор Сталин, который положил начало такой ситуации в стране, в своем стремлении к полному «самодержавию» решил уничтожить лучших и заслуженных людей, бойцов за революцию и Советскую власть, преданных коммунистов-ленинцев. Погибли тысячи и тысячи людей, нужных стране своими талантами, заслугами, работоспособностью, как в городах, так и в селах.

Я жила в двух разных эпохах. В первой эпохе было мое детство, семейный очаг, безоблачная юность, во второй — уже более зрелые годы. Вторая эпоха была насыщена всякими серьезными событиями в жизни страны. Здесь и революция, и борьба классов, и разруха, и голод, и война. Много было всяких трудностей, много пришлось видеть человеческого горя и нужды. Много тяжелого самой пришлось пережить. Нелегко был путь к новой жизни. И тем не менее интересно было быть участницей и свидетельницей всех совершавшихся событий. Все кругом бурлило, рвалось к чему-то новому, неизведанному, призывало к тому или иному действию, заражало энтузиазмом. В этой жизненной схватке двух миров люди забывали про себя, про свои невзгоды, лишения и неудачи. Всех захватила эта волна всколыхнувшейся старой и назревающей новой жизни. Конечно, это очень сложная и длительная работа, на которую уйдут, наверное, годы.

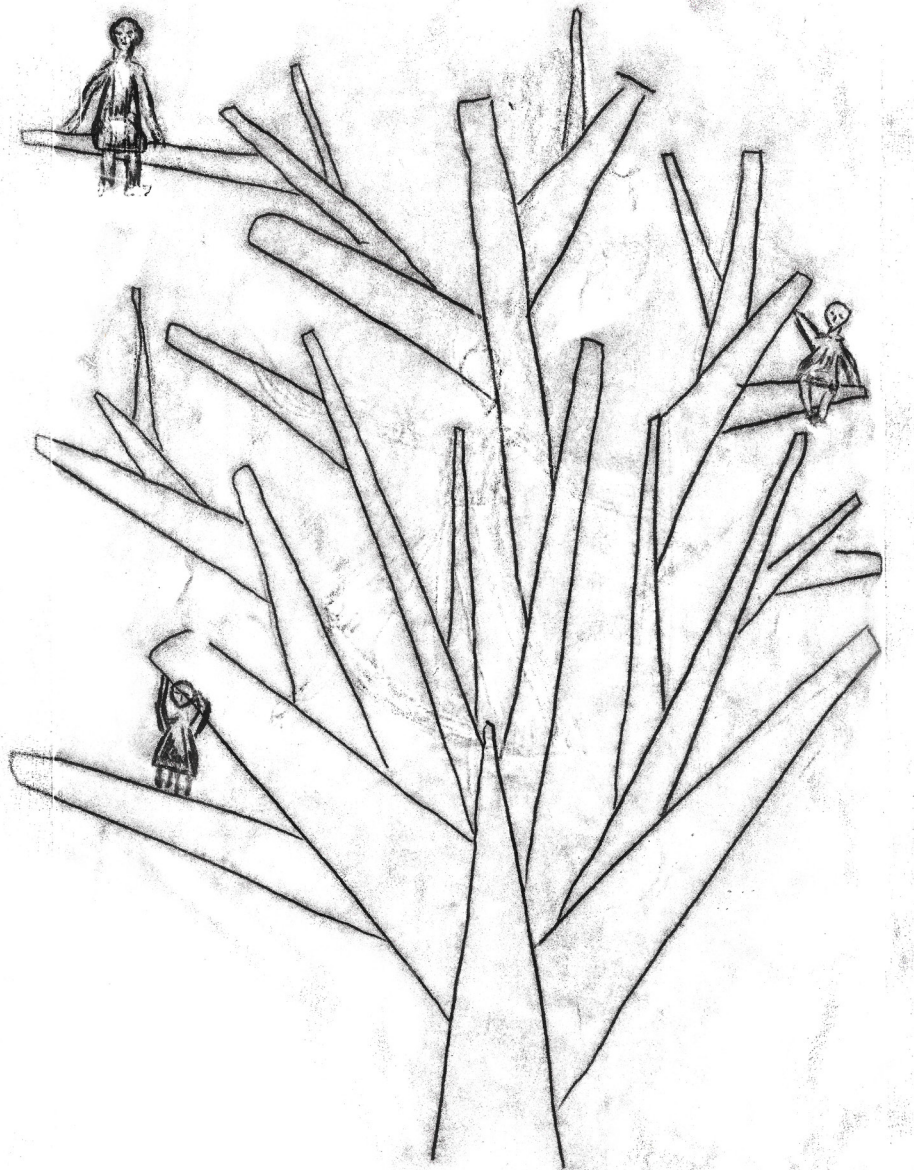

Я вспоминаю свою жизнь, начиная с детского возраста. Помню наш деревянный двухэтажный дом с большим двором и большим садом. Стоял он на главной Архангельской улице недалеко от собора (теперь вместо собора построили Дворец культуры).

Детство в станице Константиновская

Я была уверена, что произошло какое-то недоразумение, которое будет скоро исправлено. Но вместо этого 7 ноября 1937 г. последовал резкий тревожный звонок, страшный лай нашей собачки Лильки, и в квартире появились люди, которые пришли за мной.

**1937 г., Москва,
арест Нины
Рогачёвой**

Это тутовое дерево (тютюна — так называется на Дону) росло в нашем саду. Оно было громадное и развесистое, а сучья такие толстые, что мы устраивали на них комнаты и любили лазить друг к другу в гости.

Детство в станице Константиновская

Меня повезли на машине в НКВД и сразу отвели в камеру, которая находилась в подвале. Эта камера была уже набита женщинами, среди которых я увидела много знакомых из нашего дома. Все были в нервном, испуганном состоянии, но в то же время не теряли уверенности в том, что произошло какое-то недоразумение, которое скоро выяснится и мы все вернемся к своим детям.

1937 г., Москва, Бутырская тюрьма

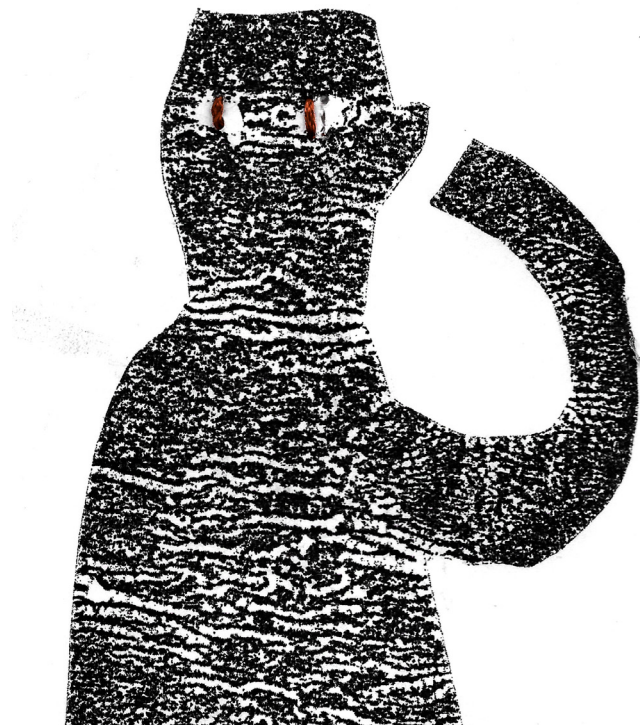

С третьей стороны нашего двора был чей-то молодой сад или огород. Забора там сначала не было, а был земляной вал, на который мы вскакивали и пели: «Ах ты, дедушка Тарас, ты купи нам тарантас, а останутся деньги — купи нам серьги, а останутся гроши — купи нам калоши». Не помню, кто там жил, но по огороду действительно ходил дедушка, которого звали Тарас.

Детство в станице Константиновская

Иногда в лагерь приезжало московское начальство, которое ходило по баракам, слушая всякие претензии от заключенных. Женщины передавали им свои прошения, надеясь на справедливость. Но увы! А много было случаев просто анекдотических. Например, одна женщина развелась с мужем, вышла замуж за другого, с которым прожила три года и который посылал ей письма, посылки, приезжал сам на свидание. А была арестована за первого мужа.

После нескольких месяцев заключения в Бутырской тюрьме Нина Рогачёва была отправлена в Темниковский исправительно-трудовой лагерь (Темлаг) в Мордовской АССР.

Мой дедушка, когда умер, оставил папе лошадь, за которой ухаживал уже пожилой, таким он нам казался, которого все любили и ласково называли Иванушкой. Жил он у нас со своим мальчиком Гришей, который был уже значительно старше меня. Образ этого Иванушки я воспринимала как «святого», а о них нам много рассказывали и читали. Он был необычайно добрый, ласковый, человек богатой души. Меня он особенно любил как самую маленькую: таскал у себя на плечах, возил на спине и обязательно брал с собой, если ехал за Дон за сеном.

Детство в станице Константиновская

Летом дети Шульгина жили у нас на даче. Потом муж решил устроить Шульгиных к себе на работу. И когда он вводил его в курс его обязанностей, Шульгин приезжал к нам каждый день. Об этом, как и о том, что я была близкой родственницей его жены, знали работники треста. Но на собрании,ё на котором Шульгин отрекался от Рогачёва, он говорил, что никогда у него не бывал, и жена его не является моей родственницей, что все это ложь и т. д. Словом, вел себя, как библейский Иуда.

1937 г., Георгий Рогачёв — муж Нины Рогачёвой. Он помог Шульгину, жена которого являлась родственницей Нины Рогачёвой. Когда Шульгин был в опале, Рогачёв устроил его на работу в свой трест начальником отдела кадров.

Еще помню случай на танцах,
куда я явилась, нацепив на
себя Тосин корсет.
Кавалер, который со мной
танцевал, сказал мне:
«Ниночка, почему у вас так
много косточек?»
Я сделала удивленное лицо.

Детство в станице
Константиновская

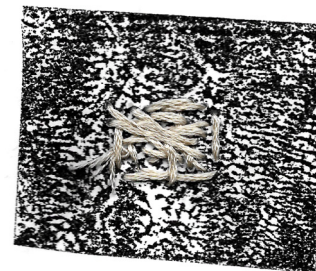
За все свое детство я помню одну настоящую фарфоровую куклу, которая досталась мне по платному билету на елке у военных, куда водил меня папа. А вообще играли тряпичными куклами, которые делали сами.

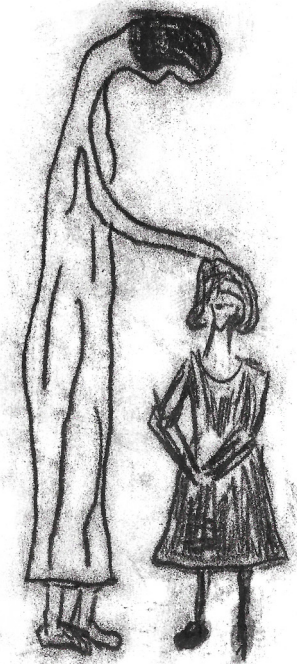
Детство в станице Константиновская

Большую посылку однажды получила от Георгия Игнат. Копылева, состоящую из больших кусков сала. Это было такое богатство! Но ведь надо было поделиться со всеми товарищами, которые ничего не получали, и с теми, кто делился со мной.

Темлаг.

Нина Рогачёва также получала посылки от друзей Лебедевых и от своих дочерей.

Помню, что в каждом классе были экзамены, и на одном из них я рассказывала стихотворение: «Уж как я свою коровушку люблю, сытно поило я ей налью...». Меня похвалили и погладили по головке.

Детство в станице Константиновская

До сна (отбой был в 9 часов) оставалось свободное время, когда женщины что-то делали для себя: кто чинил, кто вязал, кто шил. Вот это время решили использовать для чтения книг, которые посылались в посылках. Я вызвалась быть чтицей. Это было самое любимое для всех время, и женщины с нетерпением ждали этого часа.

Темлаг

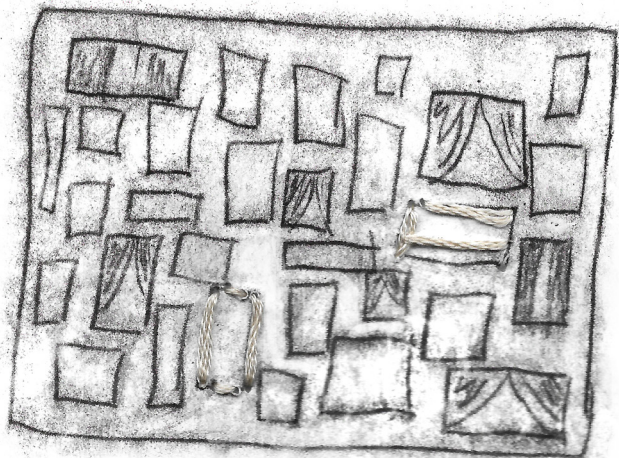
Я очень любила танцевать, и один из гостей пригласил меня танцевать мазурку. А мне жених Лизы подарил лакированные туфельки с лентами, которые завязывались бантами. Так вот во время танца мой кавалер зацепил шпорой за бант и оторвал ленту. Сколько же было слез! Меня быстро увели в нижний этаж и всячески старались успокоить. Но горе долго было неутешно.

Детство в станице Константиновская

И вот на экзамене в каком-то классе меня попросили прочитать мое самое любимое стихотворение. Помню, оно начинается так: «Если б вольной птицы крылья я имела, в частый бы кустарник я не полетела. Я бы полетела в город дальний. Есть там дом высокий, всех домов печальней...».

Детство в станице Константиновская,
обучение в гимназии

Если б легкой птицы
Крылья я имела,
В частый бы кустарник
Я не полетела.

Если б я имела
Голос соловьиный,
Я бы не носилась
С песней над долиной.

Я бы не летала
На рассвете в поле
Косарям усталым
Петь о лучшей доле.

Я бы не кружилась
Вечером над хаткой,
Чтоб ребенка песней
Убаюкать сладкой.

Нет! Я полетела б
С песней в город дальний:
Есть там дом обширный,
Всех домов печальней.

У стены высокой
Ходят часовые:
В окна смотрят люди
Бледные, худые.

Им никто не скажет
Ласкового слова,
Только ветер песни
Им поет сурово.

От окна к другому
Там бы я летала,
Узников приветной
Песней утешала.

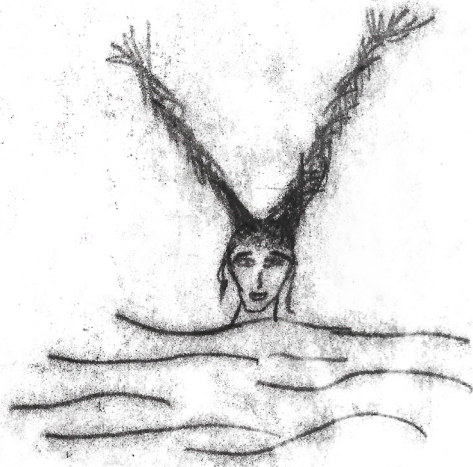
Я б им навевала
Золотые грезы
И из глаз потухших
Вызывала слезы.

Чтобы эти слезы
Щеки их смочили,
Полную печали
Душу облегчили.

Иван Суриков

Ездили на зеленый остров, который был посреди Дона (сейчас он исчез). Там было много растительности, и мы жгли костры, варили полевую кашу из пшена, пекли картошку. Все это сопровождалось пением казачьих песен, интересными рассказами, ну и, конечно, молодым веселым смехом. Среди мальчиков и девочек были такие, у которых были красивые голоса. Например, один из них, Шура Илвинский, который мне очень нравился, стал позже оперным артистом. Иногда устраивали пикники с ночевками возле костра. Из всех наших летних времяпровождений нельзя не вспомнить, какое исключительное удовольствие мы получали от купания в Дону! Мы жарились на солнце, зарывались в песок, а потом опять и опять прыгали в воду. В этом месте встречались ямы, и я помню, когда я, еще не умея плавать, попадала в такие ямы и меня вытаскивали за мои длинные косы.

Детство в станице Константиновская

Некоторые женщины писали и бросали записки своим близким в надежде, что кто-нибудь их поднимет и доставит по адресу, что было маловероятным.

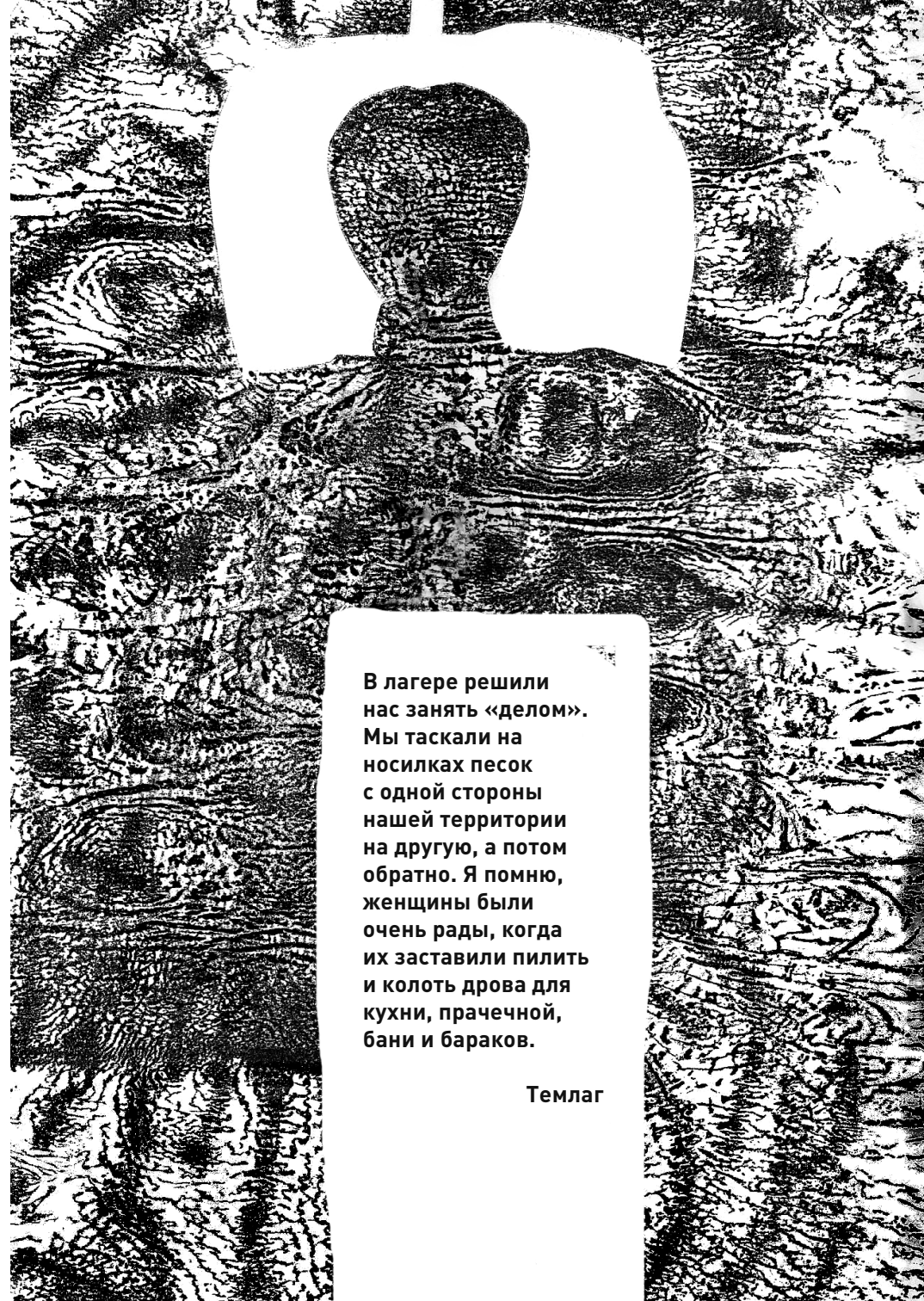
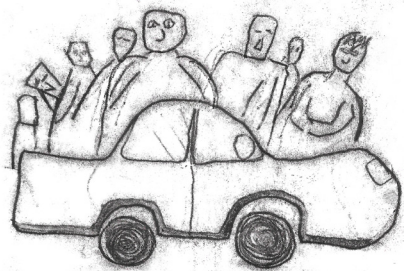
Первые два года мы были в полной изоляции: ни к нам, ни от нас не разрешалось писать письма. Газет нам тоже не давали. Работы тоже никакой не было. Это было ужасно, так как мы ничем не могли отвлечься от своих дум и переживаний о судьбе детей, мужа и всех близких, кто у кого остался. Женщины со слезами просили какую-либо работу. ...Одна женщина бросилась в колодец, одна перерезала себе артерию, несколько женщин были отправлены в сумасшедший дом.

Темлаг,
первые годы заключения

Большевики готовились к захвату власти. Один из их организаторов подозвал меня с кем-то из подруг и спросил, можем ли мы им помочь в одном серьезном деле. Оказывается, они должны были начать конфискацию машин. Он предложил нам собрать компанию и нанять машину для катания. Изобразить веселящуюся компанию. Мы должны были в легковой машине шутить, смеяться, чтобы не вызывать никаких подозрений. Прокатившись, мы должны были остановить машину в установленном месте, где ее должны были конфисковать.

И вот мы поехали, но мы так волновались, что никакого веселья у нас не получалось. Шофер подозрительно на нас посматривал. Но машину в нужном месте мы все же остановили, сказав, что здесь нам нужно сойти. Машину сейчас же окружили подошедшие люди, а мы удрали. Так что и мы внесли какую-то лепту при переходе власти в руки большевиков.

1918–1920 гг., Ростов,
во время учебы в Ростовском университете

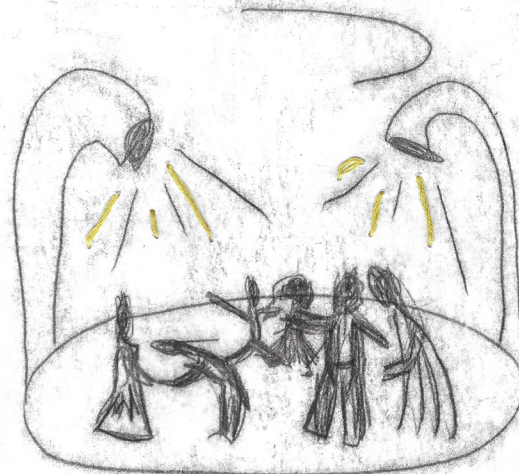

В лагере решили нас занять «делом». Мы таскали на носилках песок с одной стороны нашей территории на другую, а потом обратно. Я помню, женщины были очень рады, когда их заставили пилить и колоть дрова для кухни, прачечной, бани и барачков.

Темлаг

Еще мы очень любили танцевать. Так как денег у нас своих не было, то мы частенько как в театр, так и на танцы проникали «зайцами». Один раз мы с подругой попытались перелезть через высокий частокол, но я зацепилась платьем перед падением в траву и разорвала его почти от пояса и до конца. Это мне несколько не помешало танцевать. Мы ходили по саду и просили у гуляющих нам одолжить булавки. Один из артистов пригласил меня на вальс. И вот во время танца он меня спрашивает: «А что это у вас так колетса?»

Детство в станице Константиновская

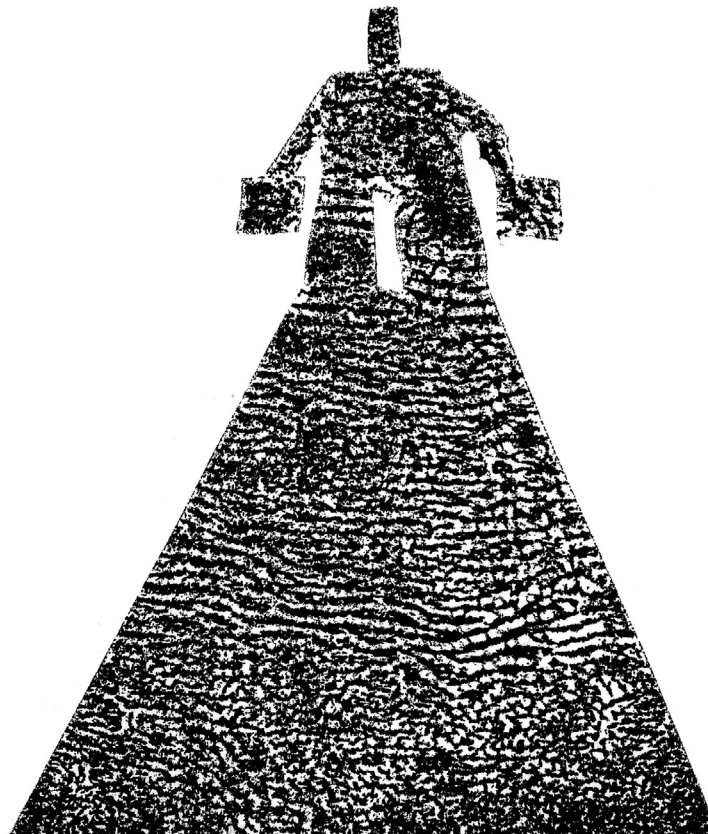

Однажды мы с Шурой угощали его обедом, от которого он был в восторге. А состоял этот обед из постного нашего казачьего борща со свежей зеленью и овощами. На второе был красный и сладкий арбуз. Когда я уже стала женой Рогачёва, он часто в компании вспоминал этот борщ и шутил, что я его «привораживала» этим борщом.

1920 г., станица Константиновская,
первые встречи с Георгием Рогачёвым

Были мужчины со сроком 10 лет. Когда мы туда пришли, они все, за исключением больных, были на лесоповале. Вечером, когда они должны были возвращаться, нас предупредили, чтобы мы крепко держали сумки с хлебом. Мы поняли это предупреждение, когда пошли в столовую. Голодные мужчины старались вырвать у нас сумки, а в столовой вырывали наши миски с едой. Стража их туда не пускала, но некоторые все же прорывались.

Темлаг

Жили мы в Пятигорске в бывшей гостинице «Бристоль» на главной улице, теперь это был Дом Советов. Наша квартира была на 2-м этаже, а на первом был ресторан, где играл духовой оркестр. Здесь я 21 мая родила Эличку, которая появилась на свет под звуки вальса.

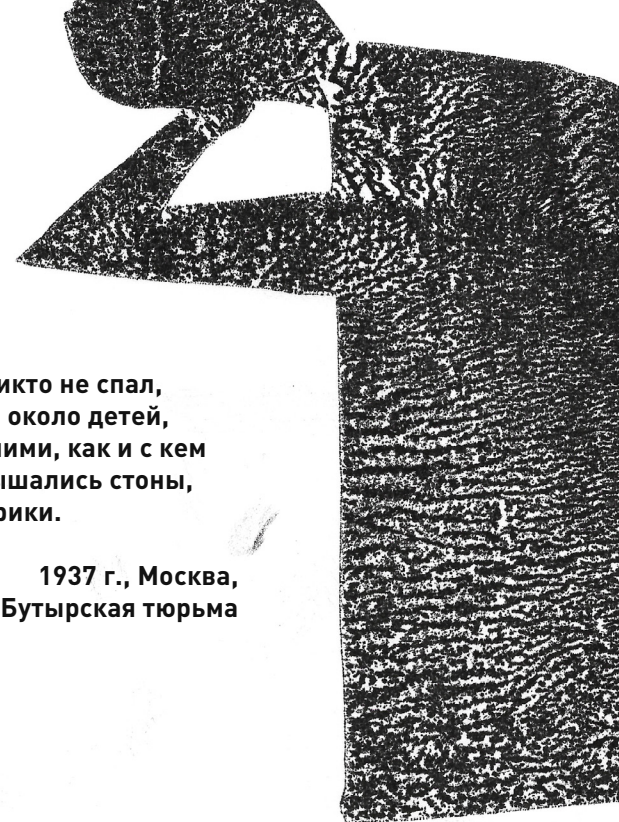
Когда она родилась, я назвала ее Олей, а отец ласково называл ее Оль-Оль. Вдруг в книжке я вычитала имя Эллина, и оно мне больше понравилось. После этого муж, приходя с работы, шутил, спрашивая у меня: «Какое сегодня имя моей дочери?»

21 мая 1922 г., Пятигорск

Ночью почти никто не спал,
все думы были около детей,
где они, что с ними, как и с кем
они живут. Слышались стоны,
рыдания, истерики.

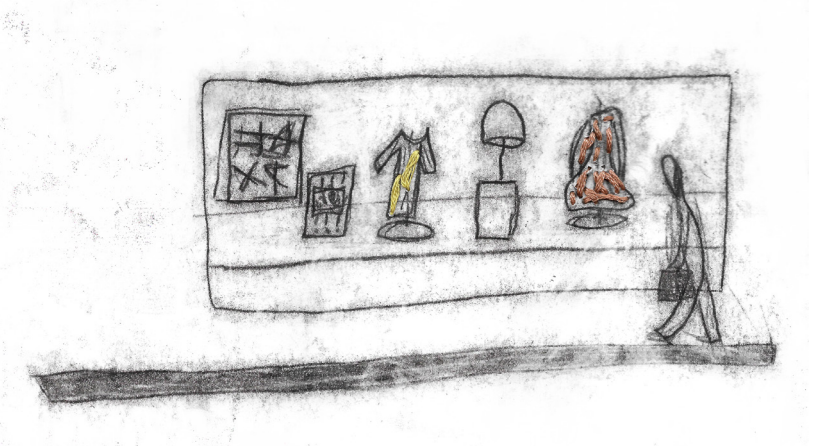
1937 г., Москва,
Бутырская тюрьма

Мой муж страшно любил людей, общество и редко приезжал домой с работы один, обычно привозил на обед или на ужин какого-нибудь товарища, а то и двух-трех.

Н.И. согласился с тем, что он очень хорошо знает мужа и потому может ему дать блестящую характеристику не только как работника, но и как честнейшего и преданного члена партии, исключительно хорошего человека, прекрасного товарища и семьянина. Ему не дали договорить те, кто устраивал этот суд, возмущаясь, что он защищает «врага народа». И действительно, через два дня Н.И. тоже арестовали.

1937 г., Москва,
во время ареста
Георгия Рогачёва

Мужья наши работали, а мы с Эльзой ходили и восторгались витринами, а особенно молодыми красавицами в их национальных костюмах. Мужчины над нами шутили: «Чудачки, они не на мужчин смотрели, а на женщин».

1926–1931 гг., Тифлис

Туда пришел большой этап женщин, в основном совсем молодых воровок, проституток, убийц и т. д. Меня наши женщины с других конвейеров предупредили, чтобы я при расчете всем делала норму, включая тех, кто ее не выполнял. Мне приходилось делать всякие махинации, отнимая часть от тех, кто выработывал выше нормы, и прибавляя тем, кто не выполнял. Ведь от выполнения нормы зависело количество получаемого хлеба. А им не угодить было нельзя — это было страшно. Они презирали всех нас за нашу порядочность и непричастность к их занятиям.

Темлаг

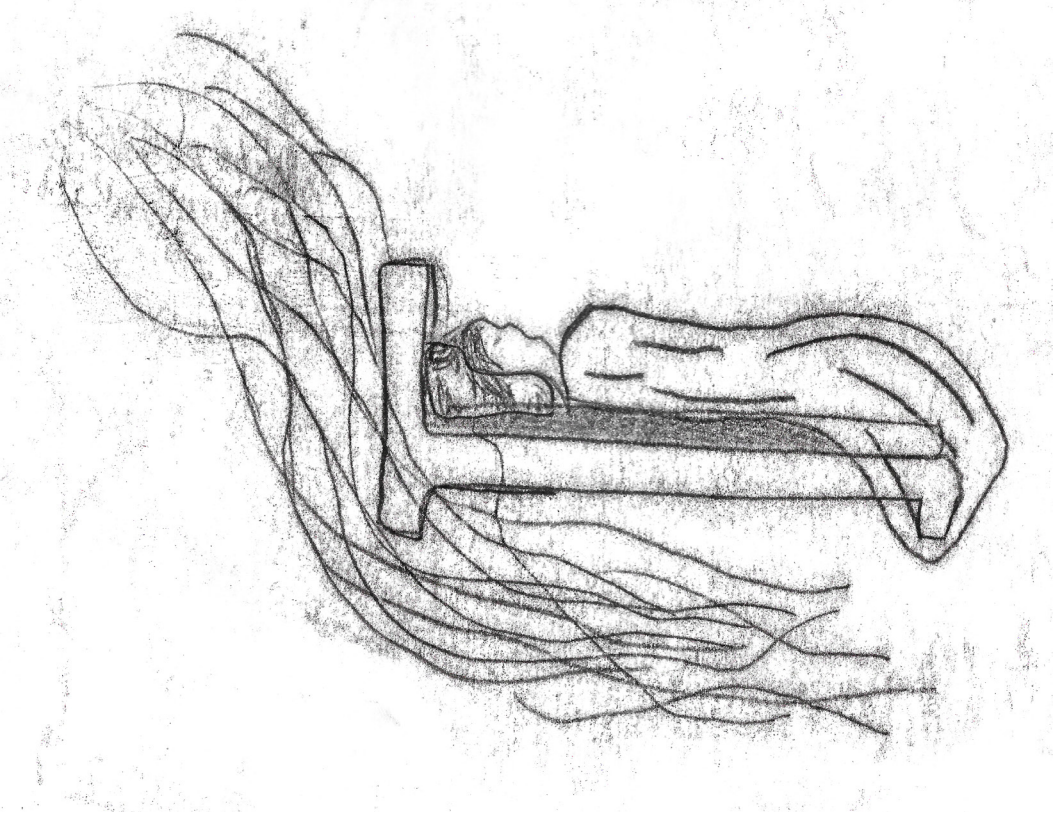
Врач назначил мне ванны, от которых у меня началось сильное кровотечение (у меня была небольшая беременность). Кажется, в санатории не было гинеколога, поднялась высоченная температура. Помню, как я лежала, накрытая одной простыней, со льдом на животе. Вдруг открылась дверь в палату, и на пороге вырос мой муж. Как потом выяснилось, никакой телеграммы он не получал. Да и была ли она послана — не помню. Муж говорил, что у него было какое-то нехорошее предчувствие и он не мог от него избавиться. Бросил все дела и решил ехать ко мне. Ему врач сказал, что мое спасение только в срочной операции, но для этого надо меня вести в больницу в Пятигорск. Как везти? На чем? От боли я не давала к себе прикоснуться. И вот сейчас же муж поднял меня вместе с простыней и понес на руках. До станции было далеко, а санаторий стоял высоко на горе. Он не спускал меня с рук и в вагоне пригородного поезда и нес всю дорогу ночью по Пятигорску до больницы.

1921–1923 гг., Пятигорск

Не помню, в каком году, у меня авитаминоз принял такую тяжелую форму, что меня положили в лагерный лазарет. Перед этим я совершенно ничего не могла есть, было полное отвращение к еде. Никакие уговоры товарищей не помогали. Лагерное начальство, видимо, решило, что я объявила голодовку, и заинтересовалось мной. ... Я сама себя не видела, но говорили, что на меня страшно было смотреть, так я исхудала.

В это время одна из заключенных — Шура Гаврилова (с ней я и сейчас встречаюсь) получила посылку и принесла мне лимон, варенье и сухари. Я с жадностью ела лимон и варенье. Понемножку стала кое-что кушать.

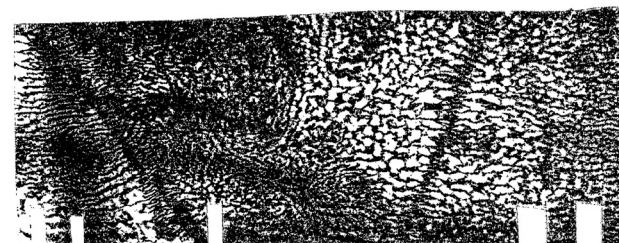
Темлаг.
После этого Нина Рогачёва
была отправлена на лето за зону
в качестве сторожа на огороде.

У нас в квартире было печное отопление. Наверное, после топки рано закрыли трубу. Я чувствую, что я задыхаюсь, проснулась и не могу поднять головы. С большим трудом я кое-как сползла с кровати на пол, долезла до двери и открыла ее. Больше я ничего не помню, знаю только, что детей спящих вынесли на воздух, а Наташу долго не могли разбудить.

1931 г., Армавир, пожар

Когда мы приходили в новый лагерь, мы видели грязные, запущенные бараки, кишашие клопами. В них, безусловно, жили раньше уголовники. Мы должны были их чистить, мазать, белить, мыть. Но клопов нам нечем было выводить, поэтому были случаи, когда барак освобождался, клалась в нем ядовитые вещества, и он наглухо закрывался. Несколько дней мы оставались на дворе. Помню такую дезинфекцию глубокой осенью, я спала на улице и при подъеме просыпалась вся в инее, потому что уже были заморозки.

**Мы включали приемник и начинали танцевать.
Тогда часто передавали танцевальную музыку.
Муж включал в это дело и Симу, которая упиралась,
ссылаясь на свое неумение танцевать.**

1932–1937 гг., Москва

Мне было нелегко управляться с уроками, с общественной работой и с учебой. Но была молодая и поэтому особой усталости не чувствовала и даже успевала и в гости, и в театр ходить.

1932–1937 гг., Москва

Потом не ограничивались только Липовкой, а стали ставить спектакли в соседнем селе Лаврово. Репетиции у нас устраивались на нашей квартире, а я была за главного режиссера. Наши спектакли имели очень большой успех, а зимой мы придумывали маскарад и устраивали елку.

1940–1941 гг., Тамбовская область,
Мичуринский район, село Липовка,
во время ссылки

Эта работа была не по силам женщинам. У нас распухали руки от плеча до кисти. И несмотря на то, что лагерный врач никому не давал освобождения, работать не могли. Тогда нас лишили хлеба, но и это не помогло.

Темлаг

Как же у нас во время эпохи советской власти, правления самого народа под руководством Коммунистической партии было допущено такое беззаконие, была допущена расправа над ни в чем не повинными людьми? Я помню, как секретари наркомов исключали из партии членов семьи репрессированных. Длинные очереди стояли на исключения «врагов народа», защитить их было некому. Как тяжело и невыносимо было тогда жить! Кругом шли доносы, подслушивания, во дворах, на углах стояли люди, занимающиеся этими делами. Страх царствовал в квартирах, на работе, на улице.

Нам объявили, что до конца войны никто не будет освобожден. Но даже когда она кончилась, оставляли тех, у кого кончился срок, до особого распоряжения, кроме тех, кого активировала врачебная комиссия. Так случилось и со мной, я тоже была сактирована. Помогла мне в этом жена нефтяника, который жил в нашем дворе, — Марьева. Раньше я ее не знала. Познакомились мы в лагере. Она была детским врачом, и срок у нее был не восемь лет, а пять. Она освободилась раньше и была оставлена в лагере вольнонаемным врачом. Когда я проходила врачебную комиссию, она при осмотре вынесла заключение, что у меня открытая форма туберкулеза. Это давало право на активирование, а значит, на освобождение.

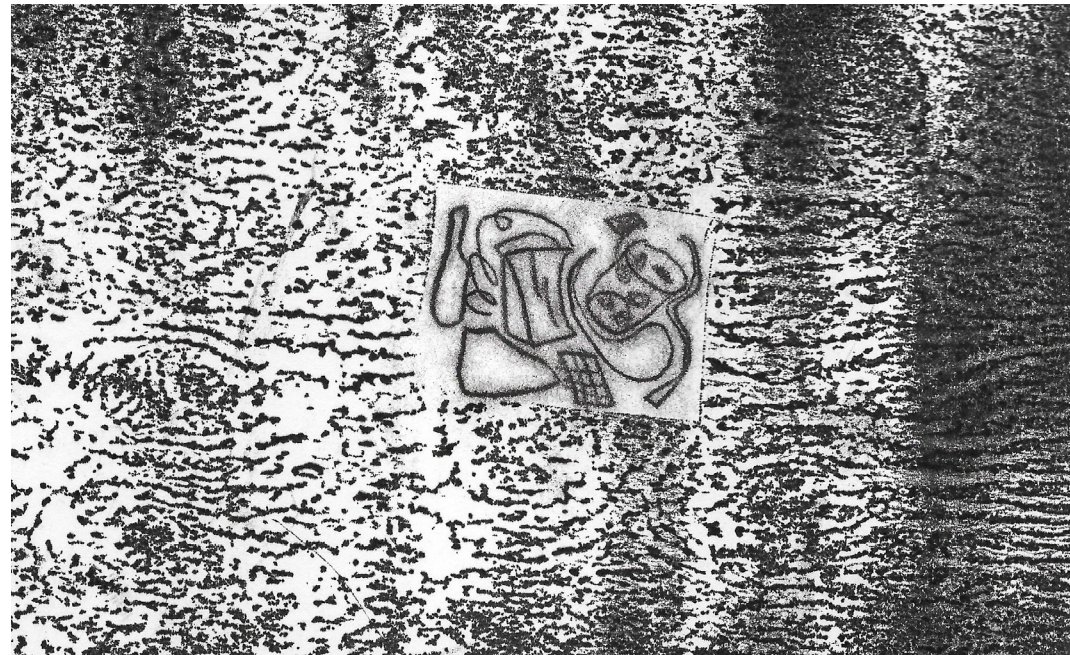
Нина Рогачёва отправилась
в ссылку в Мичуринск 1945.

Был устроен большой банкет, ужин был заказан в ресторане, обслуживали официанты. Произносились всякие тосты, а так как мой муж не мог много пить и после 2-3-х рюмок засыпал, то он и на банкете заснул и положил голову на плечо какой-то сидящей рядом нарядной даме.

1923–1926 гг., Чита

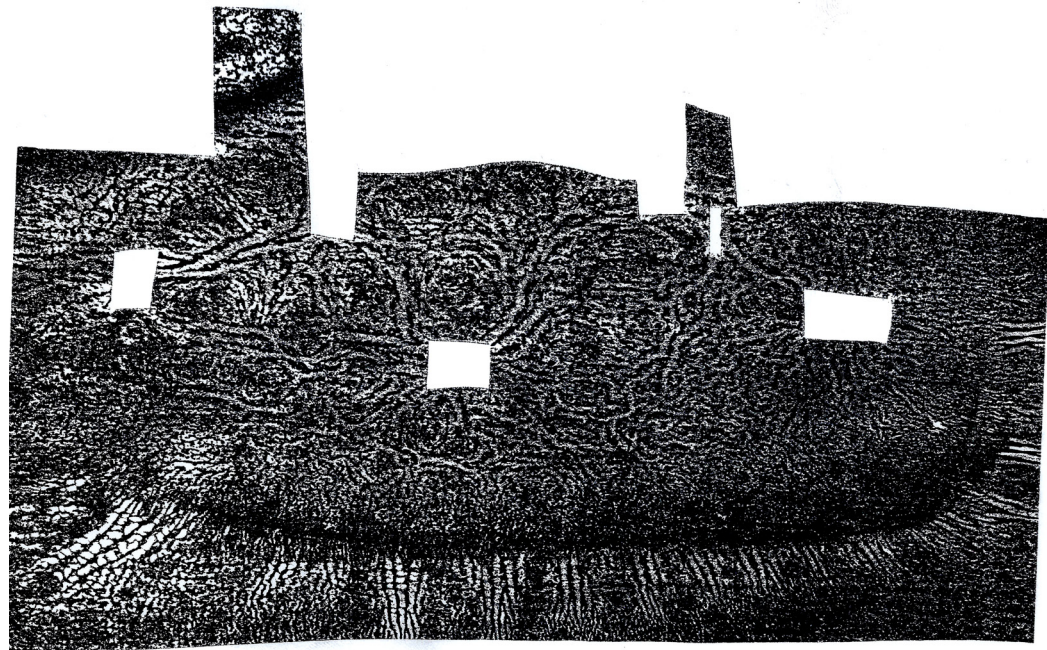
Я и еще одна женщина – жена писателя Парфенова – сели в пустую теплушку товарного поезда. Через некоторое время к нам влез офицер, возвращавшийся с войны. Это был ноябрь 1945 года. По дороге он нас расспрашивал, кто мы и куда едем. Мы боялись сказать правду и что-то ему сочиняли. По нашим разговорам между собой он начал догадываться, что мы из себя представляем. Когда поезд пришел в Мичуринск, он вышел тоже на станцию и отдал мне все продукты, которые были у него в вещевом мешке. Я помню, что там была колбаса, сало, консервы, шоколад.

1945 г., по дороге в Мичуринск

Я стала работать в комиссии по борьбе с детской беспризорностью. Ведь в те годы общей разрухи в жизни страны, после всяких войн, голода осталось очень и очень много беспризорных детей, оставшихся без родителей и крова. Дети ходили грязные, оборванные, несчастные, ночевали на улице, в котлах или где придется. Надо было этих детей куда-то определять, учить, кормить, приучать к работе.

1923 г., Чита

Пошла в город искать работу. Зашла в гороно, где мне сейчас же предложили работу преподавателя истории, но увидев мои документы, сразу отказали. Я пошла в районо, где мне тоже отказали, говоря, что нужно разрешение от партийного комитета. Я ходила туда-сюда, но никто не решался устроить на работу такую опасную «птицу».

1945 г., прибытие в Мичуринск

Я помню, как к нам с визитом пришел китайский консул с переводчиком. Маленькая Эличка в это время болела воспалением легких, а муж был в Москве (о чем консул не знал). Я вышла к нему не одетая, как полагалось бы, непричесанная, после бессонной ночи около ребенка. Он меня понял, посочувствовал и передал мне подарок для дочки. Это был отрез тончайшего красного шелка.

1923–1926 гг., Чита

Главный инспектор роно, интересная женщина, у которой был арестован муж, посоветовала мне пойти не в районное, а в городское НКВД. Я категорически отказывалась. Она говорила, что хорошо знакома с самим начальником НКВД, который производит впечатление очень хорошего, порядочного человека. Так как у меня не было другого выхода, я пошла к нему. Я ему рассказала всю свою историю, и нервы мои не выдержали. Он меня стал успокаивать, поить водой и сразу позвонил по телефону зав. района с требованием принять меня на работу и доложить ему об исполнении.

1945 г., Мичуринск,
поход в городское Управление НКВД

Несмотря на очень большую загрузку мужа его объемной работой, на его частые и длинные командировки (по 2, 3, даже 8 месяцев), несмотря на то что и я была очень занята школьными, учебными и общественными делами, жизнь наша семейная была очень дружной, мирной и радостной. Она настолько была хороша, что меня начали преследовать сомнения: неужели будет так всегда хорошо? ...Я не знаю точно, чего я боялась, но я иной раз со страхом подходила к дверям своей квартиры и боялась нажать кнопку звонка, прислушивалась, все ли спокойно в квартире.

1932–1937 гг., Москва

Это было последнее счастливое лето для всей нашей семьи.

Лето 1936 г.

С нашего курса исчезли некоторые студентки. С одной я потом встретилась в лагере.

Меня одолевали какие-то телефонные звонки, кто-то проверял, дома ли я, работаю ли, что у меня изменилось в жизни и т. д. Кто звонил, было неизвестно.

Начали ходить слухи, что скоро будут забирать жен за их мужей, но не все придавали этому значение.

1937 г., Москва

Я никогда не видела мужа злым, раздраженным, недовольным. Он мог быть только очень усталым, тогда он ложился ненадолго спать. Характер у него был очень мягкий и необычайно ласковый. Я часто удивлялась, как он, выросший в простой, бедной и довольно грубой семье, стал таким ласковым, добрым. Отец, по его словам, был вообще деспот, который страшно бил мать и перестал это делать, когда подросший сын (мой муж) пригрозил ему топором. ...У него был большой талант подхода к людям, он умел разговаривать с детьми, со стариками. Он быстро сходился с незнакомыми людьми и всех располагал к себе.

Мое замужество не было продолжительным и благополучным, но все равно я благодарю судьбу за то, что она мне дала такого хорошего мужа, прекрасного человека, любящего и заботливого отца. Я благодарю судьбу за то, что она сохранила моих детей несмотря на все невзгоды, которые выпали на их долю. Я благодарю судьбу, которая наградила меня моими дорогими внуками, которых я очень люблю и желаю, чтобы их жизненный путь был счастливым и целеустремленным.

И вот в июне в субботу к нам пришли двое и спросили мужа. Он должен был только приехать из Москвы. Они стали его ждать. В это время на лесной тропинке показался муж, нагруженный покупками. Он издали кричал детям, чтобы они шли его встречать. Но пришедшие мужчины не разрешили детям бежать навстречу отцу, а побежали сами. Они его встретили на дороге и там же арестовали. Он вместе с ними пришел на дачу, чтобы переодеться. Я попросила разрешения его покормить, но от волнения я уже ничего не соображала. Он старался держать себя в руках и даже приглашал пришедших с ним пообедать, от чего, конечно, они отказались. Он переоделся и взял с собой только носки и носовые платки. Пришедшие за ним сказали, что берут его на несколько дней. Можно себе представить мое состояние, которое передалось и детям. В ужасе и отчаянии я была готова кричать во весь голос.

1937 г., Москва, арест Георгия Рогачёва

Георгий Рогачёв был расстрелян в 1937 г.
как враг народа. Нина Рогачёва в 1955 г.
была реабилитирована и вернулась в Москву.
Она прожила до 1995 г.

**Преследования
окончились,
люди
постепенно
приходили
в себя, но
окончательного
успокоения
не было.
Рана
продолжала
кровоточить
и продолжает,
пока живы те,
кто это все
перенес.**

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность коллегам из Музея истории ГУЛАГа, без помощи которых проект не смог бы осуществиться:

**Константину Андрееву
руководителю Образовательного центра**

**Марии Лоцмановой
руководителю Центра документации**

**Илье Удовенко
старшему научному сотруднику**

**Татьяне Полянской
кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику**

**Наталье Карпухиной
главному хранителю**

**Ольге Булатновой
заведующей сектором учета отдела учета и хранения фондов**

**Олесе Евтеевой
научному сотруднику отдела учета и хранения фондов**

**Анне Стадинчук
заместителю директора по развитию**

**Кристине Танис
PR специалисту**

**Артему Готлибу
заместителю директора по общим вопросам**

**Анне Веселовой
ведущему специалисту отдела правового обеспечения**

**Светлане Пуховой
руководителю издательской программы**

**Кириллу Горбунову
графическому дизайнеру**

© ВЕРА ГРИГОРЬЕВА, 2020
© МУЗЕЙ ИСТОРИИ ГУЛАГа, 2020
© ФОНД ПАМЯТИ, 2020
© ЦЕХ КНИГИ, 2020

...и в картон от нашей школы.
...мы тогда были без всякого
...Маме была бывшая козачница и в
...заметно была хороша, это с гитками
...и по стене. ~~Вот~~ Если мы в
...были дома, то это - нигде по реку -
...роде таранки, дачи, камины, орды.
...и пухляк в доме старыми
...в постели, т.е. без аса. Лишь зима -
...рнги в всех кадрах. Все в хану
...ога очень много, как претей, так
...и, кроме воздуха, воздуха, стержней
...но строже могут были при рече
...и реках. Они были густыми и
...даже не разрешалось есть им
...ны дни, но сны и чужие, право
...ны. Сам дитя вступил в мир
...еже. Это, как и другие были,
...и матерью, а также и про
...доброта и духа. И ним были
...были подготовлены. Имя итер
...как то были дома, и тех
...ны, темная стена, и все

...иногда по чужим базкам в сурь. В
...виделся стлазнительные занеги от бар
...когда, маремю чуж, и не жито, жидни
...сейчас ^{защитной обороты} с к паске пеняли (иногда
...от которых шел гул от арестантской армей
...как и в алой ветружно была на подучки
...мги сна (не дай бог) не преснили. На паску
...были, тверды, да же само. А после этого рано
...сестры ^{просиле сажать} в церкви, китки начинали в доме.
...ны." Сестра, жито "знают постылись и в
...она грехи. Иные нас детей заставляли, до
...что купите косять в церкви в утробе и в
...ложа в стала старая, ^{а потом переехали в} то стала хитрым
...из жезла не бивали, которые тонули
...ние собора до старой церкви. Но кагда
...были, узнать, какь сажали саженьны, то
...затем к долашней притерке. Иногда
...ничкой нас вичны в церкви паричны
...из членозны. Из прозунков были дитя
...видно, больше всех "красились Ринд
...паска. Во првие всех глау - су и
...и на паникун. Прозвали те,
...ушли в другие города. Эв чили з

**Музей
истории
ГУЛАГа**

**ФОНД
ПАМЯТИ**

ЦЕХ КНИГ
